

СЕРГЕЙ
САМАРОВ

СПЕЦНАЗ

ГРУ

**У СУДЬБЫ
НА МУШКЕ**

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 У судьбы на мушке / Сергей Самаров. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Спецназ ГРУ).

ISBN 978-5-04-178145-3

Подполковник Вилен Бармалеев командует разведывательным батальоном в Сирии. Вместе с приданными ему подразделениями морских пехотинцев и сирийской народной армии спецназ ГРУ успешно громит банды моджахедов по всей линии фронта. Но однажды случается невероятное — один из бойцов батальона не выполнил приказ своего командира. Что это — саботаж или малодушие? Бармалеев не спешит с выводами, тем более что случившиеся вскоре грозные события показали, кто оказался прав на самом деле...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Самаров С.В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-178145-3

ГЛАВА 1

— Товарищ подполковник, Вилен Александрович, а ты бы сменил свою фамилию... сейчас это просто делается. А то как-то несолидно получается. Мы вроде бы с «бармалеями» воюем, а наш батальон возглавляет подполковник Бармалеев. Как ты вообще эту фамилию-то получил? Где нашел? Вроде бы и нет в природе такой... — Майор Лаптев, начальник штаба батальона военной разведки, перекладывал бумаги со стола в сейф и одновременно давал советы и что-то выписывал в большую общую тетрадь, по форме прошитую и, как полагаются, опечатанную...

— Я же из детского дома. А там нам давали фамилии на вкус директора, — добродушно объяснил командир батальона. — Он библиотеку детского дома полностью под свой контроль взял, чтобы нас с помощью хороших книг воспитывать. И как раз про Бармалея читал накануне моего там появления. Книги Чуковского я, признаться, с раннего детства не читал, даже детям, когда

они маленькие были. Их воспитанием полностью занималась жена, а я тогда все по командировкам мотался. Вот в детском доме директор и дал мне такую фамилию. Как только я там появился, так Бармалеевым и стал. За внешность, должно быть. Я в детстве очень серчавым выглядел. Но в детском доме уже был парень по фамилии Серчавый, на три года меня старше, а два Серчавых на один детский дом многовато. Да я уже с годами привык к своей фамилии, а менять ее ради частного случая... Я же не только здесь воевать намерен... Не только с «бармалеями». К тому же документов надо кучу менять. И удостоверение личности офицера, и паспорт, и водительское удостоверение, и еще много других документов, не считая того, что жене и детям тоже нужно будет сменить фамилию. И паспорта, и свидетельство о браке, и аттестаты об окончании средней школы. Старшему еще и диплом... А это по нынешним временам накладно для семейного бюджета. И дети уже давно привыкли к своей необычной фамилии. Да и в Питере, я слышал, есть улица Бармалеева, где когда-то владел домом полицейский ротмистр Бармалеев. Еще, кажется, в позапрошлом веке.

Над внешностью подполковника природа тоже постаралась, сделав его лицо не просто серьезным, но еще и сурово-угрожающим. Впечатление

при первом знакомстве складывалось такое, что Вилен Александрович смотрит так, словно хочет ударить и что-то недоброе сказать, хотя все подчиненные знали, что у Бармалеева добрейший нрав и он стремится понять любой поступок и проступок человека, и кое-кто этим умело пользовался с выгодой для себя и своей карьеры.

— Твое дело, тебе решать... — Майор сложил в сейф все свои бумаги, аккуратно, с нескрываемой любовью выровнял стопочку, сейф закрыл, опечата- л сначала металлической мастичной печатью, потом и бумажной со своим автографом и связку ключей вместе с металлической печатью спрятал в карман кителя, под бронежилет.

Бронежилет командира батальона висел на спинке соседнего стула — Бармалеев вообще был небольшой любитель себя отягощать и потому вне боя носил из всего комплекта экипировки «Ратник» только шлем с наушниками и КРУС¹ на кителе. Шлем подполковник носил для того, чтобы поддерживать постоянную связь со своим батальоном, а сама связь без КРУСа не работала. Приходилось и его цеплять на специальной клипсе под бронежилет на левое плечо, подальше от приклада автомата, хотя все в батальоне носили его сверху бронежилета, на

---

¹ КРУС — комплекс разведки, управления и связи, составная часть экипировки «Ратник».

сам броник и цепляя. Только стрелки-левши¹ носят КРУС на правом плече, чтобы приклад его случайно не помял и не поломал пластиковый корпус электронной игрушки.

Сам командир батальона был человеком чуть ниже среднего роста, внешне тщедушным и узкоплечим, но кто видел подполковника раздетым, что было возможно только в бане, тот говорил, что его тело представляет собой веревку, сплетенную из отдельных мышц. Да и все спортивные нормативы, даваемые для более молодых бойцов, комбат легко выполнял и перевыполнял — бегал он вполне на уровне даже специально отобранных для службы в спецназе спортсменов-легкоатлетов. На турнике, брусках и кольцах выполнял упражнения, доступные одним лишь гимнастам, и при этом, как говорили, не знал, что такое усталость. А про стрельбу, особенно по движущейся мишени, и говорить не

---

¹ Стрелки-левши — в армии левша и правша разделяются не по принципу главенствующей руки, а по принципу главенствующего глаза при прицеливании. Так, левша, целясь куда-то, закрывает правый глаз, а правша — левый. Следовательно, и приклад автомата у левши упирается в левое плечо, потому КРУС и подвешивается справа. Официально считается, что количество левшей и правой в армии примерно равное, хотя реальность показывает наличие только тридцати пяти — сорока процентов левшей.

приходилось. Спортсмены-стрелки на стрельбище только рот от удивления разевали. А ведь Бармалееву было уже за пятьдесят лет.

— Товарищ подполковник, товарищ подполковник... — почти прокричал в наушниках высокий голос командира разведроты капитана Труфанова. — «Бармалеи» в атаку пошли. Приближаются.

— Ты сам сейчас где? — спокойно спросил подполковник Бармалеев командира разведывательной роты.

— В передовом окопе, рядом с часовым...

— И не знаешь, что следует делать? — слегка ехидно заметил майор Лаптев, который слышал разговор в свои наушники и которому легкое ехидство было свойственно.

— Знаю, — признался Труфанов так, словно он сделал открытие. — Батальон! К бою!

Капитан дал время бойцам покинуть блиндажи и только после этого скомандовал почти без волнения — так на него подействовал спокойный тон подполковника:

— Начинают снайперы. Автоматчики подключаются позже, когда дальномер покажет возможность прицельной стрельбы. Ждать общую команду.

Сам комбат, услышав звуки артиллерийской стрельбы, облачился в бронезилет, так и оставив КРУС под ним, что вообще-то мешало переключе-

нию объектов связи, поверху надел и «разгрузку», висевшую на гвозде, вбитом подполковником собственноручно в бревно перекрытия, заменяющее традиционную балку, и кивнул младшему сержанту-связисту:

— Доложи в штаб, что противник пошел в атаку и начал с артобстрела. Спросят меня или майора Лаптева, скажи, мы в окопы ушли...

Так неназойливо командир батальона отдал приказ своему начальнику штаба следовать за собой, хотя майор Лаптев очень даже не любил артобстрелы и предпочитал пересидеть их в блиндаже, куда исключительно редко залетают шальные осколки. Неоткуда им просто прилететь — разве что в широкое и низкое окно без стекол влететь, а так стены вокруг. Но сидеть рядом с этим окном во время артобстрела может себе позволить только подполковник Бармалеев, но никак не майор Лаптев. Бармалеев обычно хладнокровен. Но и он позволяет себе эту роскошь только после того, как неподалеку разорвется один из снарядов. Сам он свое спокойствие объясняет тем, что из пушки, а тем более из гаубицы, которые «бармалеи» и используют для артобстрела, невозможно бывает послать снаряд в одно и то же место два раза — слишком велика отдача у орудия, слишком сильно она меняет направление следующего выстрела.

Уже относительно приблизившись, противник подключил к артобстрелу и минометы, которые, как подумалось Вилену Александровичу, рискованно подтащил по тому же «коридору» в минном поле ближе к российским позициям. «Рискованно» потому, что противнику следовало опасаться контратаки, при которой минометы могут быть захвачены или развернуты в противоположную сторону.

Прошло всего восемнадцать часов с предыдущей атаки, когда держащий позицию батальон был на две трети уничтожен, но не отступил и не сдал свою позицию, несмотря на то что этот батальон состоял из сирийцев. А они, как всем хорошо известно, бойцы не лучшие, и «бармалеи» собирались их смять сегодня же, во время следующей своей атаки. Но на место сирийского батальона был поставлен подвернувшийся под руку командующему южной группировкой российских войск полковнику Прохорову свежий, еще не потрепанный в боях батальон спецназа военной разведки, только недавно прибывший из России. И надежды сирийского командования вспыхнули с новой силой. Оно же обдумывало наступление по всему фронту, однако ИГИЛ в этот раз эти надежды разрушил, начав собственное наступление на юге.

Бармалеев услышал новые звуки в артиллерийской стрельбе и, вместо того чтобы выйти в окоп, как намеревался, посмотрел в окно.

— Танки пустили... Медленно идут... Стараются от пехоты не отрываться... Лаптев! Распорядись, чтобы «Корнеты»¹ подготовили.

Майор резко, почти бегом пересек блиндаж и присел за стол младшего сержанта-связиста, перенес свой раскладной брезентовый стул. Он снял трубку одного из телефонов и стал договариваться о выставлении ПТРК². Но майору, видимо, задали встречный вопрос, и он вынужден был обратиться к подполковнику:

— Вилен Александрович, спрашивают, какое общее количество танков.

Бармалеев подошел к окну, выглянул, при-смотрелся.

— Пока я вижу три танковые роты³. Нет, вон четвертая показалась. Но, кажется, неполная. Мне за барханами плохо видно.

— Короче, товарищ подполковник, к нам высылают три броневых автомобиля «Тигр» с установками и два «Корнета» на треногах.

---

¹ «К о р н е т» — противотанковый ракетный комплекс, разработан тульским КБ машиностроения. Практически не имеет аналогов в мировом вооружении, уничтожает танки противника на дистанции от 100 до 5500 метров.

² П Т Р К — противотанковый реактивный комплекс.

³ Танковая рота состоит из трех взводов, по три танка в каждом, плюс танк командира роты, итого — десять танков.

— Когда будут?

— Уже выезжают. От них до нас добраться — семь-восемь минут... Продержимся?

— Простоим. Без разговоров... Снайперы! Начали...

В наушниках раздался залп. Но команды произвести залп не давал ни сам комбат, ни его начальник штаба. Возможно, сам залп получился случайным. В пользу этого говорил и тот факт, что выстрелы прозвучали не одновременно, а словно кто-то горсть гороха в пустое ведро бросил. Но, может быть, не все снайперы успели вовремя разобрать цели или кто-то, отключив микрофон, им скомандовал по привычке голосом. Такая привычка, знал Бармалеев, есть у командира разведроты капитана Труфанова.

Но главное было не в этом. Главное, залп оказался удачным. Бойцы ИГИЛ шли в «коридоре», который они создали в минном поле прошлой ночью. «Коридор» был шириной метров в пятьдесят — шестьдесят. И за счет своего большого количества, а наступали «бармалеи» силами двух с половиной батальонов, вынуждены были передвигаться локоть в локоть, то есть почти толкая друг друга. Особенно неприятно сложилась ситуация для тех, кто шел справа и слева. Время от времени они или сами по невнимательности заходили за выставленные ограничивающие «вешки», или их выталкивали

более массивные соседи, и «бармалеи» наступали на мины. Те, естественно, взрывались, и взрывы активировали расположенные неподалеку другие мины, отчего происходили новые взрывы, осыпающие колонну осколками. При этом колонна коротко, но ярко освещалась, что вообще-то мешало спецназовцам качественно прицеливаться.

Но уже после первого залпа снайперов первые ряды колонны значительно поредели. А стрельба вразнобой дополнительно делала свое дело.

Стремительно темнело. Солнце на западе скрылось за горами, и колонну «бармалеев» стало почти не видно. Так всегда бывает в южных странах, где вечер обычно проходит быстро, как, впрочем, и утро. Подполковник Бармалеев вынужден был включить на своем бинокле тепловизор. Теперь противник был хорошо различим. А впереди колонны людей ехали десять танков. Один танк впереди, остальные чуть приотстав, по три во втором и третьем ряду, два танка в четвертом и один танк последним, но машины ехали медленно, не желая отрываться от прикрывающей их пехоты. Научены опытом. Вчерашние противотанковые гранатометы сирийского батальона заставили противника проявлять осторожность.

— Интересно, командир роты в первом или в последнем танке? — вслух подумал подполковник Бармалеев. Но ему никто не ответил.

— Разберемся с железяками... — скорее в ответ на собственные мысли сказал майор Лаптев, пристраивая в окне автомат. — Вчера ночью, как мне между делом сообщили, была только одна танковая рота. Все танки гранатометами пожгли. Вон они стоят. Одни остовы остались... За день «бармалеи» с других участков фронта снять успели.

— На погибель... — резюмировал Бармалеев. — «Корнеты» прибыли...

Последнюю фразу подполковник произнес после того, как над головами спецназовцев пролетела ракета и ударила в танк, идущий последним из первой танковой роты. Тут же в танк, идущий первым, ударили еще две ракеты, заставив загореться и его. Но если последний танк никто не покинул — видимо, из трех членов экипажа никто не выжил — то из ведущего прямо на броню выскочил человек в горячей одежде. Он тут же, чтобы не мучился, был «снят» снайпером и упал на землю, раскинув руки, словно желал обнять земной шар.

Бармалеев включил на своем бинокле дальномер и определил расстояние. Дистанция позволяла стрелять и автоматчикам.

— Автоматчики! Стрельба вразнойбой! Огонь!

Первым на приказ комбата отреагировал его начальник штаба...

В шлеме загудело от выстрелов и лязганья переводимых газами затворов. Автоматы АК-12, стоя-